

Анатом

Автор:

Вера Юдина

Анатом

Вера Юдина

Жестокое убийство молодой княжны Татьяны Мухиной, всколыхнуло задремавшее в своём благополучии высшее общество Петербурга девятнадцатого века. Но оно стало первым в последующей череде загадочных убийств. Дело вести поручили опытному сыщику, барону Обличу.

Когда Обличу становятся известны некоторые тайные моменты из жизни жертв, мозаика начинает складываться в зловещий узор.

Вера Юдина

Анатом

Глава 1

Звучала музыка. Зал был наполнен людьми. Это были те светлые времена, когда язва революции еще не загноилась на теле России и земли ее не обгарились реками безвинно пролитой крови.

В зале царского дворца, принадлежащего младшему брату государя, Дмитрию Александровичу, было довольно шумно. Молодые офицеры плясали с барышнями, щеголяя великолепными мундирами. Барышни смеялись, наполняя

зал перезвоном нежных голосков. Лилось шампанское, играла музыка, в воздухе витал дух истинного аристократизма.

Вдоль стены протянулся длинный ряд стульев. На одном из них, бесцельно устремив свой взор на танцующих, сидела молодая девушка. Княжна Екатерина Дмитриевна. Ей только исполнилось восемнадцать. Врожденная живость придавала ее внешности непревзойденное изящество. Девушку часто сравнивали с лисой, из-за раскосых глаз и покорного, но только лишь на первый взгляд, нрава. Она всегда знала, с кем и в каком тоне следует вести беседу. С кем быть открытой и любезной, а кому не мешало бы указать на его место. В одно время могла стать невыносимо жесткой и циничной, если видела несправедливость и невежество. Была мила и обходительна с простым человеком и людьми доверчивыми.

Никто не мог предугадать, как Екатерина Дмитриевна отреагирует на ту или иную ситуацию, поэтому лжецы и интриганы с ней старались не связываться. Подруг у нее не было, кроме старшей сестры Ольги, которую Катя обожала и боготворила.

Кавалеры боялись ее внутренней силы и старались держаться от девушки в стороне, издали восхищаясь ее красотой.

В этот вечер Катя пребывала в задумчивом настроении и, когда все отплясывали кадрили, даже не обращала внимания на собравшихся гостей. Устремив взгляд на хрустальную люстру, подвешенную в самом центре залы, она теребила свой веер, изредка закусывая губку.

Один из гостей, не отрываясь, с восхищением смотрел на девушку. Взгляд его был задумчив. Его не пугала внешняя неприступность княжны, не пугал и ее непредсказуемый нрав. Затаив дыхание, он любовался ее светлым ликом. Барон Иштван Облич уже давно тайно и страстно был влюблен в юную княжну. Он смотрел на княжну с замирающим восторгом, не обращая внимания на пылкие насмешки друзей.

В юности Иштван служил в Илларионовском полку, где впервые увидел Екатерину Дмитриевну. Иштван рано остался сиротой, получив как компенсацию после смерти родителей титул и довольно приличное состояние, но, будучи человеком пропитанным до мозга костей ратным делом, службу не оставил. В

скором времени, за заслуги перед царем, Иштвана назначили на должность директора Департамента полиции. Он был самым молодым директором за всю историю Департамента.

Отдел, которым руководил Иштван, занимался только особо важными персонами. Теми, над кем не мог нависнуть меч правосудия в силу их неприкосновенности по праву рождения.

Объявили вальс, Иштван сделал уверенный шаг к княжне, но не успел. Какой-то молодой щеголь опередил его, оказавшись возле Кати раньше, и с вежливым поклоном на манер городских шпаков протянул ей руку. Катя устало посмотрела на юношу, совсем без интереса, и, не скрывая скуку на лице, приняла приглашение.

Катя и молодой щеголь сразу привлекли всеобщее внимание. Любопытные взоры устремились на них, едва они оказались среди танцующих, и по залу пробежал гомон зарождающихся сплетен. Только Иштван продолжал с молчаливым восхищением следить за легкостью парящей в танце княжны, пытаясь задавить зарождающуюся в сердце ревность.

С достоинством приняв неудачу первой попытки, Иштван ощутил небывалый прилив юношеского порыва. Он решительно настроился добиться возможности станцевать с княжной. И вскоре такая возможность подвернулась.

Когда закончился танец, Иштван решительным шагом направился к своей избраннице.

Катя уже стояла в стороне от танцующих, желая избежать возможности быть снова приглашенной назойливым кавалером, который к тому же жутко ей не понравился. Скучающим взглядом она обводила собравшихся в зале людей, ни на ком конкретно не задерживая своего внимания.

Иштван подошел к девушке как раз в тот момент, когда заиграла музыка. С офицерской выправкой и благородством он протянул ей руку, и она с легкостью согласилась, наградив Иштвана очаровательной улыбкой.

В ее взгляде не было привычного холодного равнодушия или безразличия, которым она одаривала предыдущих своих партнеров.

Иштван вывел девушку в центр зала и закружил ее в танце. Княжна положила Иштвану на плечо свою обнаженную тонкую ручку и кокетливо склонила набок светлую головку. Невинный вид спутницы обезоружил и лишил Иштвана дара речи. Его сердце наполнилось теплом и безграничной нежностью. Это был самый счастливый момент в жизни сурового сыщика.

Многие, кто в тот день присутствовал на балу, позднее утверждали, что, когда в центр вышли юная княжна и молодой сыщик, голоса в один миг стихли и все гости с восхищением устремили свои взоры на них.

Платье княжны, шурша, кружилось и обвивалось вокруг лакированных сапог барона. Не отрываясь, Катя и Иштван смотрели друг другу в глаза, словно в целом мире кроме них никого не было. Иштван впитывал в себя глубину ее прекрасных глаз. Катя восхищалась его мужественностью.

После танца Иштван предложил девушке прогуляться по саду, и, к его удивлению, она с лукавой улыбкой ответила согласием.

Спустя несколько лет, стоя под прицелом ружей, без суда приговоренный к расстрелу горсткой жалких террористов, прикрывающихся именем великой революции, Иштван будет вспоминать именно тот вечер, именно ту встречу. И когда раздастся оружейный залп, он закроет глаза и с достоинством примет смерть, не переставая ни на минуту думать о Кате.

Но в тот вечер они вышли в парк и прошли по заснеженной аллее. На Кате была шубка из песца и меховой капор. Ручки княжна спрятала в муфточку.

Иштван был в парадной форме директора царской полиции, черный мундир с синими лампасами и черные с идеально выглаженными стрелками брюки.

Они шли вдоль темных скелетов замерших деревьев и молчали. Иштван не знал, как начать разговор, то ли от робости, то ли от переполняющих его сердце эмоций. Катя молчала, не понимая, почему этот статный и красивый офицер, гордость императорской полиции, обратил на нее свое внимание.

Тишина смущала, пока Катя не заметила ледяную горку. В глазах ее вспыхнул озорной огонек, и, весело улыбнувшись Иштвану, она подобрала юбки и

бросилась к горке.

Иштван не ожидал от княжны такой поспешности и на долю секунды растерялся, удивленно застыв на месте. Когда он подошел, Катя уже скатилась с горки. Резво вскочив на ноги, она залилась звонким смехом и усердно принялась отряхивать юбки.

– Вы всегда такой хмурый? – неожиданно спросила девушка, приподняв голову, чтобы лучше видеть сыщика.

Иштван опешил и раздраженно хмыкнул.

– Я слышала о вас, господин сыщик, – не унималась Катя.

– Господин сыщик? – передернулся Иштван. – Звучит нелепо. Возможно, барон Облич будет приятнее вашему слуху.

– Барон Облич, – пробуя слова на вкус, Катя задумчиво закатила глаза. – Нет, господин сыщик мне нравится больше.

Ее щечки на морозе покраснелись, и глаза загорелись волшебным нефритовым блеском. Она была очаровательна. Не была похожа на ту ледяную статую, которой старалась казаться в обществе. Живая и веселая, такой она с легкостью открылась Иштвану, чем окончательно покорила его влюбленное сердце.

Иштван не мог подобрать слова, поэтому, хмуро насупившись, неуклюже ответил:

– Как пожелаете, Ваше Императорское Высочество. В любом чине и звании я буду служить Государю и Отечеству.

– Фи, как вы говорите. Как будто заранее заготовленная речь. Где вы прячете записочки со своими заученными фразочками?

Лицо Иштвана удивленно вытянулось, но сразу просветлело. Не отдавая себе отчет, он улыбнулся этой невинной шутке. Катя, заметив его улыбку, притворно заломила ручки и закатила глаза:

- Господи всемогущий, он улыбнулся. - Затем прищурилась и серьезно добавила:
- Я обещаю, что никому не выдам ваш секрет.

После она звонко засмеялась своей новой шутке. А Иштван, очарованный детской непосредственностью юной княжны, молча наслаждался ее смехом и не издал ни звука, боясь словами разрушить очарование прелестной магии.

- Расскажите, чем вы занимаетесь? Кроме того, что служите на благо государства и моему дяде, - живо спросила Катя.

Она откровенно подтрунивала над хмуростью сыщика, но Иштван не обратил внимания на ее невинные шалости и спокойно, сложив за спиной руки, ответил:

- Моя работа столь незначительна, что не стоит вашего внимания.

- Не лукавьте. Вы слишком известны, чтобы так скромничать, - вдруг она посмотрел на него так серьезно и строго и выпалила: - Я ведь ждала вас.

Иштван замер. Она так быстро сменила тему, что он не сразу понял, о чем идет речь.

- Ждали? - удивился он.

- Вы думаете, я не помню, как вы смотрели на меня в тот день? - лукаво прищурившись, ответила Катя.

- Простите? - искренне не понимал ее Иштван.

- Какой же вы все-таки непробиваемый. Настоящий солдат, - рассмеялась девушка и вновь стала серьезной. - В тот день на плацу. Я несколько раз ловила на себе ваш взгляд.

- Весь полк смотрел тогда на вас, Екатерина Дмитриевна, - смущенно ответил Иштван.

– Но вы смотрели по-особенному. С нежностью, с восхищением, – придав голосу томной таинственности, сказала Катя. – Вы сегодня как только вошли, я вас сразу узнала и так сначала ругала за нерешительность. Но должна предупредить, что ваша покорность мне совсем не нужна. Я не смогу ответить вам взаимностью. Никогда. Слишком большая разница между нами.

Она говорила так спокойно, вдруг изменившись в лице, что Иштван не мог понять, шутит юная княжна или на этот раз говорит вполне серьезно.

Она не отрываясь смотрела ему в глаза, и сердце его застучало с бешеной силой. На один миг Иштван, великий сыщик, уважаемый человек, вдруг почувствовал себя желторотым юнцом и пал под ее искренним и по-детски наивным взглядом.

Тогда в ее глазах вспыхнул озорной чертенок. Катя сделала быстрый шаг вперед, положила руки Иштвану на плечи, поднялась на цыпочки и, зажмурив глаза, быстро поцеловала его в губы. Одним лишь легким касанием, мгновенным, едва уловимым, но самым искренним и проникновенным.

Иштван вновь потерялся в своих мыслях, а княжна тем временем отстранилась и бросилась бежать по дорожке в сторону дома, туда, где играла музыка и звенели радостные голоса гостей.

Иштван так и остался стоять посреди заснеженной аллеи, провожая Катю задумчивым взглядом. Он был поражен и тронут ее поступком. В тот день его сердце навсегда, окончательно и бесповоротно, попало в плен очарования юной и взбалмошной красавицы. Каким она была еще ребенком. Ребенком, которому не суждено повзрослеть.

Глава 2

В тот вечер в зале присутствовала еще одна довольно прелестная и милая девушка. Юная княжна Мухина Татьяна Львовна, дочь действующего премьер-министра князя Мухина Льва Александровича, потомственного дворянина, из столбовых, из московских.

Таня была единственной и горячо любимой дочерью князя Мухина. После того как ее мать умерла родами, Таня стала для овдовевшего отца смыслом жизни. Она прекрасно осознавала свою безграничную власть над родителем и без зазрения совести крутила князем как хотела.

На вечер Татьяна приехала без сопровождения, несмотря на протесты и уговоры отца, получив накануне любовную записку от воздыхателя. В ожидании назначенного часа, Татьяна задумчиво прохаживалась по комнатам, без интереса рассматривая различные группы людей. Когда пришло время, Таня незаметно выскользнула в парк следом за молодой княжной и Иштваном. Получилось это случайно, поэтому, заметив нежелательную компанию, Таня сильно расстроилась. Столько времени она ждала встречи, на которую сейчас спешила, но когда заветный час так близок, волей случая все может сорваться.

Татьяна давно была тайно и безнадежно влюблена в молодого кавалера, и вот накануне этого вечера она получила от него записку. Невозможно передать те чувства, которые всколыхнулись в душе юной княжны. Она то смеялась, то плакала, перечитывая заветные строчки по нескольку раз, до конца не веря в свое счастье.

И хотя лично она никогда не была знакома с предметом своего обожания, а наблюдала за ним лишь со стороны, любуясь и восхищаясь, в глубине души она верила, что однажды он все почувствует и ответит взаимностью. И вот это случилось. Он написал ей, что давно и тайно без ума от ее красоты и жаждет украдкой встречи, вечером следующего дня на балу у Великого князя в Михайловском. Время, во сколько девушке надо было выйти в беседку, возлюбленный приписал внизу мелким почерком.

Таня не могла найти себя от счастья, осознавая, что чувства ее не безответны. В коротких строчках она ясно увидела свое счастье, надежду на ответные чувства, любовь, которую она теплила в своем сердце все эти годы.

Когда время приблизилось к назначенному часу, Татьяна незаметно выскользнула из зала и, накинув на плечи лишь легкую шаль, не боясь быть простуженной и больной, выбежала на мороз.

Возлюбленный писал, что ждет ее в сквере у пруда.

Расстояние от дома до небольшого пруда, где летом всегда было много белых лебедей, девушка почти бежала, лишь изредка замедляя ход, чтобы немного передохнуть. Морозный воздух больно щипал кожу, обжигал легкие при глубоких вздохах, но чувства, греющие ее сердце, не останавливали юную красавицу, придавая ей сил.

Она увидела очертания беседки и, к своему неудовольствию, заметила рядом целующуюся парочку. Татьяна остановилась и спряталась за дерево.

Она уловила момент, когда девушка отпрянула от своего кавалера и побежала в сторону дома. Когда та пробежала мимо, Таня узнала в ней княжну Екатерину и лукаво улыбнулась. Молодого человека, оставшегося стоять на месте, Татьяна не узнала и очень злилась, что он не торопится догонять свою визави.

Несколько минут Иштван неподвижно стоял, провожая княжну взглядом, затем встряхнул головой и направился в сторону дома. Когда он проходил мимо старого дуба, за которым пряталась Таня, девушка постаралась как можно теснее прижаться к ледяному стволу. На один миг Иштван замер и пристально всмотрелся в темноту.

Татьяне показалось, что он почувствовал ее присутствие. Он каким-то магическим образом узнал, что она там прячется, и сердце ее застучало с бешеной силой, словно пойманная в ледяные тиски маленькая птичка. Но, постояв несколько минут, Иштван быстрым шагом направился к дому и вскоре исчез из виду.

Таня облегченно выдохнула и бросилась к беседке.

Руки и ноги ее заоченели. Пытаясь согреться, Таня поплотней закуталась в шаль. Опрометчивым ей показалось решение не одеваться, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание, с каким бы удовольствием она спрятала бы сейчас свои холеные ручки в маленькую муфточку.

В беседке было темно. Таня поднялась на три ступени и осмотрелась в поисках возлюбленного. В самом дальнем углу она заметила темную фигуру, и сердце ее подпрыгнуло от наполняющего его счастья.

Девушка хотела броситься к любимому, но в последний момент что-то остановило ее. Она сделала шаг вперед и осторожно сказала:

– Я получила вашу записку.

Темная фигура шевельнулась и сделала шаг навстречу. Таня оставалась стоять на месте. Вдруг совершенно неожиданно в ее душе начал нарастать страх. Она не могла объяснить природу его возникновения. Но почувствовала тревогу и, чтобы иметь возможность сбежать, сделала шаг назад.

В этот момент луна, все время прятая за грязными тучами, появилась, заливая парк своим мистически жутким светом. Таня бросила взгляд на стоящего напротив нее мужчину и в ужасе вскрикнула. Вместо прекрасного и любимого лица своего кавалера, она увидела незнакомые, жуткие черты. Она не могла разобрать, кто стоит перед ней, но знала, что этот человек ей не друг.

Тень сделала быстрый выпад вперед, протянув к девушке свои длинные руки, и попыталась схватить ее в плотное кольцо. Неожиданно в Тане проснулся инстинкт самосохранения, чувство, которое удерживает в жизни. Таня резко развернулась и бросилась из беседки.

За спиной она чувствовала зловещее приближение смерти, заключенное в тяжелом дыхании своего убийцы.

На последнем шаге девушка оступилась и упала. Оказавшись в беспомощном положении, она собиралась закричать, но огромная ладонь грубо закрыла ей рот, и в тот же миг Таня ощутила резкую боль в области виска. Она тихо вскрикнула и, сделав последний вдох, навсегда сомкнула свои веки.

Глава 3

После внезапного поцелуя Кати, Иштван несколько минут пытался собраться с мыслями. Девушка уже убежала, когда он направился в сторону дома. Проходя по аллее, он явно ощутил, что в темноте кто-то прячется. Долгие годы службы

выработали в нем инстинкт и непревзойденное чувство, предостерегающее от любой опасности. Но, видимо, внезапно нахлынувшие чувства немного притупили его сноровку, и, всматриваясь в темноту, Иштван не смог понять, откуда исходит угроза. Постояв несколько секунд, он махнул рукой на странное чувство и решил вернуться в дом.

У парадного входа он задержался, решив выкурить сигару. Ему необходимо привести в порядок свои чувства, он не мог явиться перед обществом в таком растерянном виде. Он уже докуривал, когда со стороны парка раздался тихий вскрик. Гонимый недавним чувством тревоги, Иштван бросился на этот звук.

Вдалеке, у пруда он увидел темную фигуру, тащившую на плече какую-то ношу. Иштван окрикнул незнакомца, тот обернулся, лишь на миг замер в удивлении и, спешно бросив на снег свою ношу, опрометью побежал к ограде. Иштван бросился ему наперерез.

Ноги его проваливались в сугробы и застревали в снегу, что значительно замедляло любое движение, но радовало одно – у незнакомца были те же проблемы. Однако когда Иштван был уже совсем близко и в любой момент мог схватить преследуемого, сделав резкий бросок вперед, он провалился слишком глубоко. Нога его застряла, и пока сыщик пытался освободиться, неизвестный перемахнул через ограду, быстро вскочил на поджидавшего его рысака и галопом помчался прочь. Иштван успел только достать револьвер, прицелиться, но выстрелить не успел. Неизвестный был уже далеко.

– Дьявол! – воскликнул Иштван, выбираясь из сугроба.

Где охрана! Где вооруженные солдаты, охраняющие дом, почему никого нет? Иштван ругал себя за промедление.

Раздосадованный тем, что упустил преступника, Иштван направился к месту, где неизвестный сбросил свою ношу. Он видел, в снегу осталось лежать что-то, что с такой легкостью тащил на себе незнакомец. Иштвана подгоняло странное чувство, что ноша может быть слишком ценной, раз преступник позволил себе потратить время на размышление: бросать ее или не бросать.

Иштван подошел к месту, где примерно, по его мнению, остался лежать странный груз. Он ожидал увидеть что угодно, но только не то, что открылось

его взгляду, едва он приблизился к темнеющему на белом снегу черному предмету. Это была девушка. Иштван без труда узнал в ней княжну Мухину и ужаснулся своей находке. Ее глаза были закрыты, а из раны на виске тонкой струйкой текла кровь.

Иштван склонился над ней и проверил пульс. Девушка была мертва. Он бережно поднял ее на руки и понес к дому.

Не желая распугивать гостей, Иштван прошел к черному входу, ногой распахнул дверь, чем в свою очередь жутко перепугал всю прислугу, и громко приказал проводить его в свободную комнату для гостей. Следуя за перепуганной девушкой, он отнес Татьяну на верхний этаж и осторожно положил на заправленную постель.

В комнату быстрым шагом вошел Дмитрий Александрович. Ему уже сообщили о случившемся, и он явно был этим встревожен. Плотнo закрыв за собой дверь, он бросил взгляд на Иштвана.

Как только слуги доложили ему, что один из гостей принес в комнаты на верхнем этаже бесчувственное тело девушки, он незаметно покинул зал и поднялся наверх.

Узнав Иштвана, князь вежливо кивнул в знак приветствия и посмотрел на постель. Иштван понял по выражению его лица, что он тоже узнал в девушке дочь Мухина. На мгновение Дмитрий вытянулся в струну и руки его задрожали. Он сжал кулаки и посмотрел на Иштвана.

– Как это случилось? – сухо спросил князь.

– Это убийство, Ваше Высочество, – официально доложил Иштван.

– Где это случилось?

– В вашем парке.

– Кто это сделал? Вы видели?

– Не берусь утверждать, Ваше Высочество. Я подросел слишком поздно и не успел рассмотреть преступника. Он был высок и худощав, это все, чем я располагаю, – ответил Иштван.

Дмитрий Александрович запустил дрожащую руку в свои густые волосы и поделился своими тревожными мыслями:

– Это дело рук этих проклятых крысиных выродков?

Крысиные выродки, крысы, так называли между собой правительственные деятели и жандармы революционеров и террористов народников, за их беспринципность, жестокость и постоянное нахождение в подпольях.

– Вы считаете, это – провокация? – спросил Иштван.

Дмитрий Александрович развел руками и грустно вздохнул.

– Это ваша обязанность – выяснить, кто это сделал. Я надеюсь, вы, Иван Аркадьевич, понимаете, что никому другому мы не сможем поручить это дело.

Иштван кивнул.

– Но вы хоть представляете, что сейчас может начаться? – продолжил Дмитрий Александрович. – Что сделает с ними Мухин, когда узнает о случившемся? Как это повлияет на авторитет нашего царя? Что же начнется.

Князь сокрушенно закачал головой, в голосе его и движениях засквозила нарастающая паника. Он активно жестикулировал.

Иштван поддерживал его предположения. Он понимал, что этот инцидент может стать страшным началом грядущих перемен. Все знали, что революционеры были всегда. Они как неотъемлемая часть государства. Самодержавию нужен противовес, чтобы жизнь не была пресной и скучной, и этим противовесом были постоянно организовывающиеся группы террористов, не опускающих руки и борющихся за только им одну известную правду. Эти люди никогда не успокоятся, даже если будут накормлены все бедняки, выполнены все их требования. В стране так или иначе останется хотя бы

несколько обиженных и обделенных душ, желающих совершить переворот.

Все понимали, что таким образом подпольщики – крысы – желают сделать себе имя, увековечиться во времени. Они не думают о народе, их цели не благородны, а мысли не чисты. Прикрываясь праведными мотивами, они творят свои страшные дела, не брезгуя средствами для достижения своих целей.

Никто не может предотвратить их существование, но и позволить им безнаказанно творить задуманное слишком опасно.

Князь Мухин был приверженцем старой власти. Истинный монархист, сын своего государства. Он был циничен и безжалостен, считая, что только деспотичность и беспощадность способны навести порядок в волнующихся массах недовольных.

Не всегда император оставался доволен действиями своего премьер-министра, но из уважения к покойному отцу не отстранял князя от должности, а полагался на его многолетний опыт.

Лев Александрович слыл среди народа тираном и деспотом, его боялись и уважали. За все время на занимаемом им важном мосту на него ни разу не совершалось покушений, не было предпринято даже ни одной попытки. Только ли из страха перед последующей расправой, в том случае если покушение может не удалиться, или из-за трепета, которое вызывало одно только его имя, никто точно не знал, но священная неприкосновенность князя всегда оставалась неизменной. Даже несмотря на то, что у князя было много врагов, как среди чужих, так и среди своих.

Если окажется, что Татьяна стала жертвой мести отцу, одному только Богу известно, на что пойдет князь, чтобы наказать виновных.

Всем было известно, что Татьяна была его единственной отдушиной. Любимой и любящей дочерью. Ее убийство грозило обернуться катастрофой. Это ли было целью террористов или все случилось против чьей-то воли, и предстояло выяснить Иштвану.

– Я сам сообщу князю, – скорбно заявил Дмитрий Михайлович и вышел.

Без объяснения причины, бал спешно окончился и гости разъехались. Вскоре дом наполнился людьми в форме.

Убийство такой важной персоны подняло на ноги сразу нескольких высокопоставленных лиц, приближенных к царю. Среди них были генерал-адъютант Его Императорского Высочества – граф Ложкин, шеф жандармов Стравицкий, герцог Австрийский и лейб-доктор Его Императорского Высочества – Ларионов.

Иштван со всеми лично был знаком, по делам государственным встречаясь до этого случая не раз, но чаще всего ему приходилось встречаться с Ларионовым. Помимо того, что доктор был лейб-медиком императорского дома, он также занимался судебной медициной.

Только сам премьер-министр не смог прибыть. Когда ему сообщили о смерти дочери, с ним случился приступ, и в ту минуту, когда группа высокопоставленных людей обсуждала предстоящее расследование, он лежал в припадке у себя в особняке на Елагином.

Общее настроение присутствующих было крайне печальным, все были явно встревожены и ждали, когда доктор закончит осмотр, страшась его окончательного заключения.

Закончив осмотр, доктор сообщил:

– Смертельный удар был нанесен закругленным, гладким предметом в височную область. Смерть была мгновенной.

– Может, он не хотел ее убивать? – с надеждой предположил Стравицкий.

– Тогда у нас появится вероятность спихнуть все на отвергнутого поклонника! Не сумев завоевать женщину, он решил ее похитить. На Кавказе так делают.

– Мы не на Кавказе! – грубо рявкнул Дмитрий Александрович.

– Нет, господа, – решительно заявил доктор. – Это определенно преднамеренное убийство. Удар нанесен точно в самое уязвимое место, четко и хладнокровно.

Она не могла выжить после такого. Ударь он слабее, она могла остаться калекой на всю жизнь. Удар был сделан с необходимой силой, хорошо подготовленным человеком.

– Доктором?

– Возможно. Прежде в Англии практиковали этот варварский метод, для умирения особо буйных душевнобольных, но редко доходило до летального исхода. Да и я давно уже не слышал о подобных случаях. Времена поменялись.

Доктор с интересом смотрел на тело, и вдруг он что-то заметил, достал пенсне и склонился. Он заметил в руке девушки клочок бумажки, крепко зажатый между пальцами. Пальцы оледенели, и пришлось приложить немалые усилия, чтобы разжать тиски смерти, прежде чем извлечь на свет скомканное письмо.

Когда заветная бумажка все же была благополучно извлечена из мертвых объятий княжны, доктор протянул ее Дмитрию Александровичу. Тот прочитал и протянул Стравицкому. Так записка прошла по кругу и оказалась в руках у Иштвана.

Иштван бегло пробежался взглядом по тексту. И только увидев подпись, сунул записку в карман.

– Я надеюсь, вы осознаете, что расследование должно проходить конфиденциально? – официально грубо и высокомерно спросил у Иштвана Ложкин, все время до этого угрюмо молчавший. – Докладывать будете лично мне!

Иштван кивнул. Тело княжны унесли медики Ларионова, и все постепенно разошлись. Иштван остался один на один со своими мыслями, тяготившими его душу, и с легким чувством вины за случившееся. Ему необходимо был о продумать четкий план расследования. И первым делом он послал одного из жандармов арестовать Аверьянова, того самого, кто являлся автором этой злосчастной записки, с которой и началось это долгое и жуткое по своей бесчеловечности дело.

Допрос Аверьянова Иштван решил поручить своему помощнику, о чем не замедлил уведомить того. Сам же он займется поиском каналов, через которые

можно будет проверить причастность к убийству террористов. На карте стояло будущее царской семьи, и любая ошибка могла стать роковой.

Глава 4

Когда вечером следующего дня Иштван сидел за работой в своем кабинете, с грохотом распахнулась дверь и всю ширину дверного проема заняла тучная фигура Мухина. Князь был явно разгневан. Лицо его пылало ненавистью, глаза были налиты кровью. Всем своим видом он говорил, что решительно настроен сам, лично найти преступника и наказать его по всей строгости закона.

Этот тучный человек, с поросячьими глазками и круглым лицом, в обычном-то состоянии не мог вызвать гамму приятных чувств. А разъяренный он напоминал огромного медведя, у которого нет чувств, есть только одно желание – разорвать преступника в клочья.

– Вы нашли убийцу моей дочери? – с порога взревел князь, не удосужившись даже поздороваться.

Иштван чинно приподнялся в кресле и, стараясь своим спокойствием слегка приструнить гнев князя, рукой указал тому на стул.

– Я весьма тронут, князь, вашим визитом, но мне не совсем ясна его цель, – строгим голосом, каким он привык общаться с подчиненными, произнес Иштван, чем и вверг князя в ступор.

Тот уставился на сыщика странным невидящим взглядом и удивленно заморгал.

– Как вы смеете? – прошипел он. – Вы жалкий щенок!

– Я попросил бы вас не оскорблять меня без причины, – осек князя Иштван, – мои люди делают все, что в наших силах. Мы ищем преступника. Поверьте, все, что смогу, я сделаю.

Князь посмотрел на Иштвана таким преданным и в то же время слепым взглядом и неожиданно, уронив голову на руки, беззвучно зарыдал. Он грузно рухнул на диван, и его мощные плечи затряслись в безудержном порыве отчаянного горя. То и дело князь тихо поскуливал и всхлипывал. Затем он резко затих, вскинул голову и, сложив руки на животе, прямо посмотрел на Иштвана.

– Она ведь все, что у меня было. Когда Сонечки не стало, я думал, все. Жизнь больше не имеет смысла, и мне принесли ее, крохотную, с большими глазами. Она тогда только глянула на меня. Красненькая, сонная и все время пальчик свой посасывала. И знаете, сердце тогда мое дрогнуло, такая славная она была. – Князь на секунду замолчал, а после решительно добавил: – Дайте слово безутешному отцу, что вы найдете его.

На мгновение, Иштван ощутил жалость к этому свирепому на первый взгляд человеку. Славясь своей сухостью, Мухин всю жизнь теплил в себе любовь к единственной дочери, которой лишился на старости лет.

Поступаясь своими принципами, Иштван ответил:

– Вы будете первый и последний, кого он увидит перед своей смертью. Я даю вам свое слово.

Заручившись обещанием, князь поднялся, поправил ворот своей медвежьей шубы и, поклонившись на манер военных офицеров, быстро вышел. Он должен был уйти, так как почувствовал приближение нового приступа, но не хотел признаваться в этом кому-то, кроме своего лечащего врача.

Когда дверь за ним закрылась, Иштван опустил в кресло. Вновь постучали.

– Войдите!

Вошел молодой жандарм, только поступивший на службу с училища.

– Что у тебя? – спросил Иштван, поднимая голову.

– Вам записка, Ваше благородие... вернее две... Одну доставили перед тем, как к вам пришел важный гость, – жандарм намекал на князя, – а вторую только что,

вот прямо сию секунду. Перед тем как я вошел.

Иштван нахмурился.

– Давай сюда.

Жандарм осторожно, дрожащей рукой протянул сыщику обе записки. Одна записка была написана почерком доктора, Иштван сразу узнал его. А вторая, судя по сладкому цветочному аромату, явно принадлежала женщине.

– Какая первая?

– От доктора.

Иштван неторопливо развернул записку.

«Дорогой мой друг, – писал доктор, – Вам срочно необходимо приехать ко мне. То, что я покажу Вам, может поразить любое сознание. Поможет ли в дальнейшем это следствию, не берусь утверждать, но то, что этот факт может заинтересовать Вас, я уверен. Ваш Ларионов С.Л.»

Вторая записка не имела подписи, но Иштван сразу догадался, что она от Екатерины Дмитриевны. По смыслу и той трепетности, что скользила между строк. Он бегло пробежался взглядом по письму. Она просила прощения за свой детский порыв и надеялась, что этот случай никак не сможет испортить зародившуюся между ними дружбу.

Удивительная девушка, нежная и ранимая на первый взгляд, но в глубине ее души пылает пожар такой чувственной страсти. Иштван даже на секунду представил себе, что слышит ее спокойный голос, когда вновь пробежался взглядом по строчкам, написанным красивым, ровным почерком.

Он отложил письмо княжны и вернулся к записке доктора.

На что намекает доктор? И что такого он мог обнаружить? Надо немедленно это выяснить. Иштван быстро собрался и вышел. До места он добрался на извозчике.

Академия, где трудился доктор Ларионов, располагалась на улице Нижегородской. Это было единственное в Петербурге заведение, где преподавали судебную медицину и готовили военных врачей, способных работать в любых экстремальных условиях.

Ларионов был лучшим в своей области, именно поэтому его ценили при дворе. И каждый студент, попавший к нему на курс, гордился своим назначением, хотя в работе медик был требовательным, поблажек не давал и ошибок не прощал.

Мертвецкая, где хранили тела умерших, располагалась в здании, построенном на собственные средства Ларионова, в значительном отдалении от основного корпуса.

Это было желтое двухэтажное здание, выдержанное в гамме всего комплекса. Окруженное со всех сторон старыми липами и дубами, оно у каждого вызывало тоску и уныние, при одном только взгляде на него.

На двух этажах корпуса располагались учебные залы и кабинеты учительского состава. Помещение, устроенное в виде амфитеатра, где хранили тела и проводили учебные вскрытия, располагалось в подвале. Студенты в шутку называли его подземельем или катакомбами, так похожи были коридоры и комнаты-муравейники на римские могильники.

Иштван прошел внутрь и спустился по узкой каменной лестнице, в темное полуподвальное помещение.

К амфитеатру, где доктор Ларионов обычно давал уроки мастерства своим студентам, вел длинный темный коридор, тускло освещенный редко размещенными на стенах канделябрами.

Тишина вокруг стояла жуткая, пробирающая до дрожи. Лишь изредка завывал ветер, сумевший невидимыми путями прокрасться в этот склеп. Играя с пламенем свечей, он проносился по коридорам и, слегка лишь коснувшись своим ледяным дыханием, исчезал в темноте.

Иштван ступал тихо, стараясь не шуметь. Любой звук в этом странном месте отдавался зловещим эхом.

- Жуть, - передернулся Иштван от странного ощущения.

Он редко заглядывал к доктору в его обитель смерти, и даже если случалось ему наведываться, то всегда здесь толпились группы молодых студентов, жадно внимающих каждому слову своего учителя. Сегодня же было безлюдно, что еще больше нагнетало атмосферу нарастающей паники.

Впереди показалась арка, откуда лился теплый желтый свет. Амфитеатр был единственным местом в подвале, куда было проведено электричество.

Иштван вошел внутрь. Но там никого не было. Тишина вокруг стояла мертвая. На железном столе в центре зала, под укрытой простыней явно просматривались очертания человеческого тела. Иштван подошел к столу, оглянулся и позвал профессора:

- Семен Львович! - эхом разнеслось под сводами зала.

Никто не ответил.

Вдруг раздался громкий стук. Иштван обернулся, успев выхватить свой револьвер. Но опасения его были напрасны, это порыв ветра распахнул настежь ставни единственного окна, спрятавшегося почти под потолком.

- Семен Львович! - громко повторил Иштван и поежился от ворвавшегося с улицы ледяного ветра.

Опять никто не ответил, но на этот раз Иштван отчетливо услышал тихий стон, у себя за спиной. Он обернулся и посмотрел на белую ткань, укрывающую тело. Ему показалось? Или на самом деле кто-то стонал? Иштван не мог понять. Тогда он решительно взялся одной рукой за край простыни и осторожно приподнял ее.

Прямо на него стеклянным неподвижным взглядом смотрел профессор. Он был еще жив, его грудь едва вздымалась. Но в тот же миг на старческом лице скользнула тень приближающейся смерти, когда агония уже позади, и жизни в

несчастном старике оставалось всего-то на два-три вдоха. Лицо его в тот момент обрело свое привычное спокойное выражение. На несколько секунд, после того как боль отступила, глаза доктора просветлели, губы его зашевелились, не выдавая при этом ни звука. Израсходовав последние силы, он обреченно взглянул на сыщика, рот его искривился в предсмертном оскале, и, умирая, он навсегда сомкнул тяжелые веки.

Когда доктор испустил последний вдох, Иштван осознал, что стук окна и завывание ветра вовсе не были случайностью.

Иштван опрометью бросился к каменным ступеням, служившим студентам вместо скамеек, и буквально взлетел по ним наверх, к тому самому единственному окну. Оно нервно забило, терзаемое ветром, издавая при этом зловещий грохот.

Оказавшись у окна, Иштван с легкостью выбрался на улицу и оказался на заднем дворе академии. Вокруг не было ни души, лишь следы, едва заметные на грязном снегу, вели к месту, где совсем недавно была привязана лошадь.

Ледяной ветер порывами бил в лицо, словно насмехаясь над самоуверенным сыщиком. Второй раз преступления происходят буквально под носом у Иштвана, но он не успевает ничего предпринять.

Иштван пнул сугроб, попавшийся ему на ходу, и поплелся обратно в амфитеатр, чтобы проститься с великим человеком, со своим другом и коллегой, с которым не одно дело они успешно расследовали, работая в паре. Предстояло узнать, что именно доктор хотел поведать Иштвану перед смертью, и выяснить, кто убил его и за что.

Прибывшие спустя время жандармы, получив детальный инструктаж, не тратя время попусту, сразу рассредоточились по темным помещениям. Мертвый коридор вновь ожил.

Кто мог это сделать? задавался вопросом Иштван, расхаживая с фонариком по пустынным комнатам. Он наталкивался на различные предметы медицинской утвари, на скелеты и останки мертвых людей, законсервированные в банках. Ни одной записи, ни одного рисунка, ни одного слова о последнем исследовании доктора. Может, Ларионов так и не успел осмотреть тело княжны, тогда зачем

он вызывал к себе сыщика, такой странной запиской. Для Иштвана это стало настоящей загадкой.

Бросив бесцельные поиски, Иштван вышел на улицу и закурил. К нему подбежал один из студентов доктора, попросил закурить и сразу исчез. Через какое-то время, к Иштвану подбежал запыхавшийся жандарм и, вытянувшись в струну, как умели только воспитанники Облича, выкрикнул:

- Ваш благородие!

- Что? - обернулся на него Иштван.

- Вы должны это увидеть!

- Ну что там у тебя? - проворчал Иштван, недовольный, что вновь придется спускаться в склеп, из которого он с таким облегчением выбрался.

Жандарм шел впереди.

- Господин Димитриев просил срочно позвать.

Снова в нос ударил знакомый запах сырости и смерти, и Иштван невольно поморщился.

В амфитеатре теперь было людно. Его помощник, Димитриев, прозванный в узком кругу жандармов тайного отдела - Костяк, за свою жестокость в отношении арестованных и порой даже чрезмерную принципиальность, стоял у железного стола и что-то усердно записывал на чистом листе. Видно было, как ему неудобно делать это на весу, но карандаш с такой легкостью летал по бумаге, что сразу выдавал долгие годы подготовки.

Димитриев был правой рукой Иштвана, его незаменимым помощником и верным товарищем. На самом деле место директора Департамента пророчили именно Димитриеву, до того момента, как Иштван в чине подполковника не изъявил вдруг желания уйти из армии и перевестись в жандармерию. Тогда как раз организовывали новый отдел, и на это место искали человека с чистыми взглядами на ситуацию, вдобавок ко всему, основным аргументом послужило

юридическое образование Облича. Иштвану предложили это место, и он невольно перешел дорогу Дмитриеву, который слишком долго грезил о повышении и долго к нему стремился. Но, на его несчастье, у него не было таких могущественных покровителей, как у Облича.

Первое время они не могли поладить. Дмитриев всем своим видом давал понять, как ему неприятно новое назначение, и всячески старался оскорбить нового директора перед лицом всего Департамента. Иштван терпел, одновременно пытаюсь найти подход к обидчивому коллеге. Со временем именно терпение начальника и его снисходительность стали тем самым поводом, который и положил начало крепкой мужской дружбе.

Когда в очередной раз Дмитриев вопреки всем правилам, в обход своего шефа самолично осуществил недельный доклад перед премьер-министром, чем вызвал негодование Мухина и его праведный гнев, вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией и убрать непокорного служащего с должности, Иштван сам, лично отправился отчитываться у Мухина, объясняя, что из-за загруженности отдела мелкими делами не имел возможности провести доклад сам, вот и просил об этом одного из самых своих надежных людей.

Дело замяли. Дмитриева простили и по рекомендациям Облича назначили начальником отдела. И после этого они стали самыми преданными и верными друзьями, несмотря на прежние разногласия.

Конечно, неизбежны были моменты, когда Дмитриев позволял себе перейти границы, но с той ситуации Иштвану достаточно было нахмурить бровь, и его помощник все понимал без слов. Ситуация сходила на нет.

Существовали они друг с другом вполне мирно. И работа в отделе шла как по наитию. Дмитриев был ищейкой, Иштван был мыслителем. Вместе они создали прекрасный тандем.

Заметив друга, Дмитриев быстро спрятал листок за пазуху, а карандаш в карман. Он явно волновался, это было видно по едва заметной дрожи его ресниц. Он собирался сообщить что-то очень важное.

– Ну что у тебя? – спросил Иштван.

Ларионов все еще лежал на столе. В своем медицинском белом халате, до неприличного выглаженном и накрахмаленном, вот так во всем этот светлый человек при жизни был дотошен и щепетилен. Руки его были вытянуты по швам. Поза, казалось, не поменялась, только голова теперь его лежала не прямо, а набок.

– Смотри, – сказал Димитриев, переворачивая голову доктора, так чтобы удобнее было показывать.

Даже издали Иштван заметил небольшую рану на шее.

– Третий шейный позвонок. Один удар острым предметом, и все, парализован. А потом сразу смерть, – сообщил Димитриев.

– Как так? – удивился Иштван.

Даже он, человек военный и бравый, с опытом и знаниями, знал, что невозможно просто взять и засадить нож так точно и ловко в определенное место. Во – первых, для этого требовалась недюжая сила, во-вторых, точные знания в медицине. Уже второй раз он сталкивается с совершенством преступника, так дерзко и точно наносящего свои смертельные удары.

– А вот так, – Димитриев занес руку и наглядно изобразил, как это примерно должно было быть.

– Я не об этом спрашиваю тебя. Я сам вижу, как можно нанести такой удар, ты скажи мне, зачем его убили? – сухо сказал Иштван.

– Если б знать.

– Что-нибудь пропало?

Димитриев посмотрел на Иштвана и улыбнулся.

– А вот тут самое интересное. Не поверишь, мы обыскали все, но так и не нашли тела.

– Какого тела? – удивился Иштван.

– Княжны Мухиной. Он как раз с ней работал.

– Как узнал?

– Так вот тетрадка у него была, видимо, он ее успел под халатом спрятать, там записи об осмотре. Ты на время посмотри. Примерно за полчаса до того, как он записку тебе написал. – Дмитриев открыл тетрадку в том месте, где была сделана последняя запись. – Мухина Татьяна Львовна, 18 лет, осмотр производится с позволения отца убиенной, князя Мухина Льва Александровича... Вот тут далее подпись князя. И все. А дальше пусто. Видимо, помешали ему.

Это известие завело дело в тупик. Иштван понял только одно: дело они имеют с очень опасным, по всей видимости, медицински обученным человеком. Зачем-то неизвестному убийце понадобилась княжна, а доктор просто пал случайной жертвой, как преграда к достижению цели. Все оказывалось не так просто.

Надо было возвращаться на Гороховую, побеседовать еще раз с задержанным юнкером. Аверьянова жандармы нашли в одном подвальном кабаке, славившемся своими революционными настроениями. Юноша был изрядно подвыпивши и еле ворочал языком, когда за ним пришли люди в форме. Он даже попытался оказать сопротивление при задержании, но быстро был обездвижен и доставлен в отдел. Он идеально подходил на роль убийцы княжны, пока не открылись новые обстоятельства.

Первым разочарованием для Иштвана стали показания свидетелей, которые в голос утверждали, что весь вечер накануне молодой человек находился в таверне, в их компании, и не отлучался ни на минуту.

Вторым разочарованием для Иштвана стал вид молодого подозреваемого. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он не убивал. Но не потому, что не хотел, а лишь потому, что физически был слаб и в душе слишком труслив. Хотя сведениями мог располагать.

На утренней беседе с Дмитриевым, пока это была еще неофициальная беседа, молодой человек вел себя нахально и развязно. К тому времени уже удалось выяснить, что юношу недавно отчислили из академии и форму он носил

напрасно. По словам преподавателей, Аверьянов был малоспособным и ленивым, никакими особенными познаниями в какой-либо области наук не располагал и интереса к учебе не проявлял. Он был одним из тех учеников, что долгие часы проводили в карцере и крайне редко попадали домой. За это его и отчислили.

Иштван сделал вывод, что юнкерскую форму юноша носил только ради возможности щеголять перед дамами и, судя по отзывам жильцов доходного дома, где он квартировался, пользовался явным успехом у женщин. В остальном он был чист, и удерживали его до вечера только лишь за то, что он пытался ударить жандармского офицера бутылкой по голове. Ну и для того, чтобы провести беседу уже после того, как выветрятся пары спирта.

Возвращаясь в участок, Иштван бегло набросал в голове вопросы, которые он задаст вольному юнкеру.

Глава 5

Тем же вечером, когда убили доктора, Аверьянова ввели в кабинет Облича, чем милостивый юноша был крайне поражен. Никогда прежде чиновник столь высокого положения не проводил допросы лично. На лице красавца отразился неподдельный испуг. Он решил, что раз такая высокая и авторитетная персона снизошла до беседы с ним, простым смертным, не имеющим даже чина и звания, значит дело довольно серьезное и громкое. Спесь мигом слетела с его лица, и, вжав голову в свои худые плечи, юноша виновато опустился на стул.

Иштван, к своему удовольствию, заметил эту перемену и хищно улыбнулся. В нем заиграла горячая кровь, и он уже чувствовал, как этот мальчик расскажет ему все до мельчайшей подробности. Иштван демонстративно взял в руки дело, на котором крупными буквами было написано «Аверьянов», обошел вокруг стола и прислонился к краю.

– Аверьянов, Борис Максимович? – официально спросил Иштван.

Юноша вздрогнул, нервно сглотнул и кивнул.

– Так, так, – протянул Иштван, – и что же вы, юноша, позорите честь наших мундиров? Так вести себя будущему обер-офицеру. Ай, не хорошо. Стыдно, молодой человек, стыдно.

– Виноват, Ваше благородие, – писклявым голосом протянул Аверьянов, – так только ж отчислили меня из академии месяц назад.

– Отчислили? – Иштван изобразил искреннее удивление. – А зачем же тогда форму носишь? Зачем над честью братьев своих бывших смеешься? Может, они чем обидели тебя?

– Никак нет, Ваше благородие...

– Ну что ж, Борис Максимович, что будем делать с вашими шалостями? На офицера моего напал? Напал. Начальнику отдела грубил? Грубил. Как оправдываться будем?

Лжеюнкер вскинул голову и с вызовом воскликнул:

– Так они, Ваше благородие, схватить меня хотели, будто я каторжник какой или украл что. Вот я вспылил. Признаюсь, Ваше благородие, вспылил, потом сам каялся. А то, что начальнику дерзил, так он сам мне тыкать первый начал. Я ему объясняю, не батенька вы мне, чтобы тыкать. А он мне затрещину, до сих пор голова раскалывается.

– Ну это, допустим, простимо, могу понять – уязвленное самолюбие, гордость. А вот зачем вы княжну камешком по голове?

Услышав об убийстве, которое ему уже со вчерашнего вечера пытаются приписать, Аверьянов вскочил на месте. Но только вчера он под хмелем думал, что злая шутка такая новая у жандармских офицеров или ошибка чья-то, а сегодня важный чиновник вновь говорит ему об этом страшном деле.

– Не виноват я, господин директор! Как бог свят клянусь, не виноват! Не понимаю, о чем вы говорите! Не убивал я никого. Пил, гулял, женщин совращал – в этом виновен. Убийство? Нет! Не убивал я никого.

– Ладно, не паникуй, – спокойно сказал Иштван, несколько не встревоженный этой внезапной вспышкой. – Садись. Поговорим. Расскажешь все честно, может, и свет на эту историю прольешь. Я все узнаю и отпущу тебя, если правда не виновен.

Аверьянов обреченно вздохнул и плюхнулся на стул.

– Расскажи мне, знакома ли тебе княжна Татьяна Львовна, дочь нашего уважаемого премьер-министра?

Взгляд Аверьянова забегал по комнате, словно в поисках поддержки, и, слегка подавшись вперед, юноша выпалил:

– Не знакома. Жизнью своей грешной клянусь. Не видел никогда ее.

– Да прекрати ты уже клятвы раскидывать.

– Но правда если это, Ваше благородие, не знал я ее никогда и не пересекался с ней лично.

– А вот она тебя знала. И даже влюблена в тебя была тайно.

Иштван внимательно посмотрел на юношу, но, кроме смущенного блеска в глазах, ничего странного в его поведении не увидел.

– Так может, потому и не знал, что тайно, – осторожно предположил Аверьянов.

– Твоя правда, это может быть, – согласился Иштван.

Следующим делом Иштван достал из кармана записку и показал ее Аверьянову.

– А это не твой разве почерк? – спросил он.

Аверьянов слегка прищурился, видимо, зрение у него было слабое, и бегло пробежал по тексту. Когда он дочитал, глаза его расширились от ужаса.

– Только по этой записке меня и обвиняют? – возмущенно воскликнул он.

– Молодец. Догадливый. Да только не в записке дело. – Иштван убрал записку обратно. – Говори лучше, писал или не писал? Только смотри, я ведь, прежде чем с тобой беседовать, все о тебе разузнал, и каждое твое неверное слово приближает тебя к виселице. Ты же знаешь, что за политическое преступление тебя сразу в петлю. А рыльце-то у тебя в пушку, засветился уже где не следовало.

Аверьянов нервно сглотнул и уронил голову на руки.

– Как вам сказать, Ваше благородие... вроде и почерк мой, да только знаю я, что записки этой не писал. – Голос лжеюнкера звучал обреченно, словно он понимал, что все равно не поверят ему и за убийство дочери премьер-министра ссылка стала бы для него лучшим вариантом.

Иштван налил стакан воды и протянул его юноше.

Аверьянов сделал глоток и вернул стакан.

– Ну что, если я скажу тебе, что помочь ты мне можешь, только если скажешь, кто заставил тебя эту записку написать.

Аверьянов вскинул голову и в отчаянии заломил руки.

– Если бы я знал, Ваше благородие. Да только нечего мне сказать. Не писал я этой записки, ни сам не писал, ни под диктовку не писал, ни автора не знаю.

Иштван нахмурился.

– Тогда, может, есть кто-то, кто подставить тебя мог? Раз ты вины своей в этом не видишь?

– Не знаю, Ваше благородие... Если б знал, молчать не стал бы.

Дальше вести допрос было бессмысленно. Иштван позвал караульного. Когда на Аверьянова вновь надели наручники, Иштван тихо распорядился:

– До завтра подержите его в каземате, потом отпускайте. Когда уйдет, человечка к нему приставьте, чтоб за каждым шагом следил. Может, что из этого и выйдет.

Аверьянова увели, и Иштван вернулся за стол.

Только он сел, как в кабинет вошел высокий офицер и бравым голосом доложил:

– К вам дама.

Иштван улыбнулся. Еще утром он вызвал к себе одну особу. Бывшую в недавнем времени тайным агентом Департамента. Он надеялся, что, пользуясь старыми связями и имея отличную память, она сможет раздобыть необходимые сведения по делу княжны Мухиной.

Офицер продолжал стоять, ожидая приказаний. Иштван бросил на него строгий взгляд.

– Чего стоим? Приглашай! – приказал он.

Офицер исчез, а через минуту в кабинет вплыла молодая женщина. Увидев Иштвана, она расплылась в очаровательной улыбке и промурлыкала:

– Иштван, дорогой, я думала, что больше не пригожусь тебе и ты совсем забудешь свою милую Лизу.

Иштван поднялся и подошел к даме. Он поцеловал ее ручку, обтянутую замшевой перчаткой, и вдохнул чистый аромат зимнего воздуха, исходящий от прекрасной посетительницы.

– Лизи, душа моя, как я мог забыть о тебе? Дел было много, и к тому же твое последнее задание... это было опасно, ты же не маленькая девочка, все понимаешь.

Лиза понимала.

Много лет назад, еще до того как на должность директора пришел Облич, Лиза Мученко была тайной сотрудницей одного из начальников розыска. Младшая дочь одного губернского чиновника, она сама завербовалась на эту должность, будучи истинной монархисткой. За свое отчаянное рвение к справедливости и явное пренебрежение ко всему, что было против монархии, Лиза получила кличку Аристократка. Ее манеры и речь были и прекрасны, этому она обучилась в женской гимназии. Но вера в царя и бога была у нее с рождения. Несмотря на свой юный возраст, Лиза была отчаянной авантюристкой и прекрасной актрисой. Она быстро влилась в одну небезызвестную Департаменту террористическую группу. И только благодаря ее сведениям удалось накрыть все подпольные склады и типографии, а также взять организаторов и весь запас взрывчатки. Тогда же Лизу раскрыли избежавшие ареста члены группы и заочно приговорили к смерти. Лишь благодаря Иштвану, который на тот момент уже стал директором Департамента, ей удалось избежать мести бывших боевых товарищей. Облич организовал инсценировку смерти девушки и помог ей выехать за границу, где она почти год успешно скрывалась.

Лишь недавно Иштван узнал, что она вновь вернулась на родину и теперь живет на Благовещенской, с одним полковым офицером.

– Зачем ты позвал меня? – зная, что Облич никогда ничего не делает просто так, ласково промурлыкала Лиза.

– Мне нужно, чтобы ты разузнала для меня одну информацию, – понимая, что юлить нет смысла, честно признался Иштван.

– Какую, мой дорогой, говори. Ты же знаешь, я твоя должница, – лукаво улыбнулась девушка, присаживаясь на стул.

Иштван не сдержал ответной улыбки. В свое время Лиза пыталась пробудить в нем страсть, но, оставаясь преданным в своей любви к одной лишь даме, он не поддавался ее чарам.

– Тебе знакомо имя князя Мухина? – спросил Иштван.

Лиза прыснула от смеха.

– Конечно, я помню эту мерзкую свинью. Дорогой, ведь именно его в свое время мне поручили убить. Разве ты не помнишь?

Конечно, Иштван помнил. Мухин должен был стать оправданием Мученко перед братьями, чтобы она смогла миновать кары за предательство. Но Лиза не пошла путем своих некоторых коллег по тайному сыску и во время исполнения поручения бросила чемодан со взрывчаткой не в премьер-министра, как было условлено, а в своих контролирующих партийных товарищей. Оба партийца погибли на месте, и Лиза тем самым подписала себе смертный приговор. Каково же было разочарование девушки, когда князь Мухин вместо благодарности приказал арестовать ее как террористку.

– Поосторожней с выражениями, – предупредил дальнейшую вольность девушки Иштван, – не забывай, что я должностное лицо, при исполнении, и за такие речи...

Лиза притворно испугалась и еще звонче рассмеялась.

– Оставим эти глупости. Это все пустое! Ну рассказывай же, не томи. Этого непорядочного человека все же нашла его пуля? – справившись со смехом, спросила Лиза.

– Убили его дочь, – сухо сообщил Иштван и замолчал, внимательно следя за реакцией девушки.

Улыбка исчезла с ее красивого лица, и появилось искреннее удивление.

– Татьяну? Не может быть. Случайно?

– Нет. Это было умышленное убийство. И я хочу, чтобы ты помогла мне в расследовании. Ты порасспрашивай по своим старым каналам, кто мог это сделать. Может, кто что видел.

– Иштван, милый мой. Эти революционеры фанатики, но вряд ли они могли пойти на такое преступление. Вам нужно искать убийцу в другом месте.

– Я все это знаю. Но все же стоит проверить. Чем черт не шутит? Может, они до министра добраться не смогли и выбрали как мишень его дочь.

– Вряд ли, – огорченно протянула девушка, – но я обещаю, что сделаю все от меня зависящее.

– Я буду благодарен. Ты понимаешь, – Иштван намекал на вознаграждение.

Лиза посмотрела на него грустным взглядом безнадежно влюбленной женщины и тихо сказала:

– Наградой мне станет совсем другое.

Не удостоив девушку ответом, Иштван отвернулся и, сложив руки за спиной, подошел к окну.

– Ты все еще любишь свою даму икс? – спросила Лиза.

– О чем ты? Я не понимаю, – холодно ответил Иштван.

– Ну же, родной мой. Я все знаю. Я женщина, я все чувствую. В твоих глазах горит печаль о ней. Ты так и не открыл ей свои чувства?

Иштван промолчал, продолжая бесцельно смотреть в окно.

Лиза грустно вздохнула и вышла, бросив на ходу:

– Ты всегда можешь рассчитывать на меня. Я добро не забываю.

Когда дверь за ней закрылась, Иштван тихо сказал:

– Спасибо.

Домой Иштван вернулся поздно вечером. Все еще находясь в грустных размышлениях, он лишь мельком бросил взгляд на тройку саней, стоящую в отдалении, не придав этому факту значения.

Его дом располагался у западной стороны Большого канала. Ранее этот особняк, еще до первой его перестройки, принадлежал одному купцу первой гильдии, но после его смерти вдова продала дом и прилегающие к нему земли барону Обличу, покойному отцу Иштвана. Барон пристроил главный дом, построил конюшню и каретную. Перестроил оранжерею и купальню и для своей супруги возвел небольшую часовенку.

Позже барон пристроил зимний сад, окнами выходящий на Малую Невку, и высадил липовую аллею, протянувшуюся вдоль всего берега. Зимой и летом, зимний сад почти всегда был залит солнечным светом, благодаря витринным окнам, установленным во всю высоту этажа. Это было любимое место Иштвана. Часами он мог сидеть в старом потрепанном кресле, предаваясь воспоминаниям и своим мыслям.

Иштван вошел в дом и услышал звуки фортепиано. Они доносились из музыкального зала. Это был «Апрель» – Шопена. Иштван положил перчатки на мраморный столик у входа. И осторожно, стараясь не шуметь, прошел в белую комнату.

Старый слуга сыщика, который одновременно исполнял роль его камердинера, лакея и личного повара, жил в служебном помещении, построенном для него возле оранжереи, поэтому Иштван был крайне удивлен тому, что в столь позднее время в его доме мог находиться посторонний. Иштван уже привык к строптивому нраву старого слуги, давно отказавшегося дожидаться возвращения своего господина, но с некоторыми его выходками он мириться не собирался.

Бесшумно дойдя до дверного проема, Иштван осторожно заглянул в комнату. Она была залита лунным светом, отражающимся в белых поверхностях стен и рояля. За инструментом, ровно держа спину, сидела девушка. На ней было теплое синее платье из дорогого бархата. Руки ее с легкостью порхали по клавишам, незаметно, едва уловимо, так что старый инструмент, который стоял здесь скорее для красоты и уже много лет, после смерти баронессы Облич, не

использовался по назначению, рождал прекрасные звуки трогательной мелодии.

– Как вы вошли? – строго спросил Иштван, обращаясь к незнакомке.

Музыка стихла. Незнакомка обернулась, и в белом свете луны Иштван узнал Великую княжну. Увидев сыщика, Катя мило улыбнулась и невинным, слегка лукавым голосом ответила:

– Ваш слуга впустил меня. Очаровательный старик, предложил мне чаю с шоколадом. И так долго рассказывал о вас, что я могу теперь смело утверждать, что знаю о вас все.

Иштван про себя выругал Демидыча за болтливость. Старик и в самом деле любил поговорить, но из-за своего одиночества ему редко это удавалось. И оттого этот седовласый иуда так искренне радовался редким гостям.

Завтра же выгоню этого пройдоху! – подумал про себя Иштван, заранее зная, что никогда не сделает этого в память об отце, хотя это желание в последнее время возникало у него довольно часто. Когда родители Иштвана погибли при крушении поезда, Иштван распустил всех слуг. Только Оскар не пожелал уйти. Старик так привык к барскому дому, что считал его своим. У него не было родственников, не было друзей, и Иштван осознал, что будет жестоко вот так выгнать несчастного старика на улицу. Позже он не раз пожалел о своем решении, но все же имел к своему преданному слуге очень трепетные, почти сыновьи чувства, поэтому Оскар Демидович до сих пор служил в особняке.

– Вам нельзя здесь находиться, – строго сказал Иштван и, сняв пальто, бросил его на спинку стоящего у стены кресла.

– Почему? – совершенно искренне удивилась Катя. – Вы ждете кого-то другого?

Иштван включил свет, и девушка недовольно поморщилась, закрывая глаза рукой.

– Выключите! Выключите немедленно! – запричитала она. – А впрочем... Мне все равно. Я пришла поговорить с вами.

- Поговорить? О чем? – искренне удивился Иштван.

Эта девушка начинала пугать его своей непредсказуемостью. Одному только Богу было известно, что за мысли могут храниться в ее маленькой прелестной голове.

- Вы поступили очень не хорошо, когда бросили меня одну на том балу.

- У меня были на то причины, – спокойно ответил Иштван.

Он забыл, что накануне уже собирался войти за княжной следом, может быть, даже пригласить ее еще на один танец, попытаться разъяснить произошедшее между ними, но ему помешал случай. После он даже не вспоминал об этом.

- К тому же вы сами просили меня не тревожить вас, – неожиданно вспомнил Иштван. – Как вы сказали? Мы слишком разные.

- Вы жестокий человек, господин сыщик, – обиженно воскликнула Катя.

Она повернулась к Иштвану спиной и продолжила музицировать. Вновь пальцы ее запорхали по клавишам, извлекая из старого, уже, казалось, изжившего свой век инструмента божественную мелодию. На этот раз она играла Моцарта. Неожиданно музыка стихла, и Катя резко обернулась. В ее глазах стояли слезы.

- Вы меня очень обидели, – неожиданно выпалила она.

- Чем же? Позвольте узнать? – поразился Иштван.

- Своей холодностью. Я открыла вам душу, дала надежду. А вы...

- Вы, Екатерина Дмитриевна, простите заранее мне мою дерзость, в моих глазах маленький, капризный ребенок. Желаящий достичь недостижимого.

Катя фыркнула, но не подала и виду, что обиделась. Наоборот, вся просияла самой очаровательной улыбкой.

– Вы ведь не считали меня ребенком, когда целовали, господин сыщик. Не так ли? – лукаво подметила она.

– Я думаю, вам, Ваше Высочество, нужно уйти, – тихо сказал Иштван. – В столь позднее время, девушке вашего положения невозможно находиться в доме холостого мужчины, к тому же без сопровождения. Это безрассудство.

– Кто это решил? Вы, господин сыщик?

– Таковы правила приличия, Екатерина Дмитриевна. И вы как никто другой должны это знать, – официально ответил Иштван.

– Меня мало волнуют какие-то там правила. Все это слишком банально и старо. Вы ведь читали «Анну Каренину»? Это моя любимая книга.

– Я не понимаю ваших намеков.

– Вы читали, – сама себе ответила Катя, – я видела эту книжку у вас в библиотеке. Вы считаете, что ее любовь не заслуживает уважения, только лишь потому, что она была замужем? Вы, вероятно, считаете ее низкой и недостойной вашего внимания женщиной. Но в моих глазах она святая. Она сумела вопреки всему остаться верной своему сердцу. Не предать любовь, а упиваться ей и жить. Да, господин сыщик, она умела любить, умела жить. А такие как вы убили ее своими правилами!

Катя говорила эмоционально, вероятно, свежи были еще ее впечатления от прочитанной книги.

Иштван невольно усмехнулся.

– Но вы, Екатерина Дмитриевна, не Каренина, а я, не знаю, к счастью или нет, не Вронский.

– Мы те, кем являемся на самом деле, – задумчиво произнесла Катя и прямо посмотрела на Иштвана. – И те, кем хотели бы быть.

Иштван сдался. Он выпрямился по старой армейской привычке и строго посмотрел на Катю.

– Я не собираюсь обсуждать с вами такие вольные темы, – сухо предупредил он.

– Отчего же? Хотя... Напрасно. Это очень занимательная тема, для молодой девушки и отважного офицера. Вы не считаете?

Иштван замер в удивлении. Она явно кокетничала с ним. Эта девочка, совсем невинная в своих познаниях жизни, открыто флиртowała с ним, с боевым офицером, с человеком строгой военной закалки. Все это казалось ему таким трогательным. Он любил ее, но любил любовью другой, не так, как в свете любят женщин. Он любил ее любовью созидательной, душевной, трепетной. Знать, что она есть на свете, знать, что о ней все его мысли, этого ему было достаточно. И вот она сидит у него дома. Одна, в полной темноте, играет на пианино и ведет взрослые речи.

– Я провожу вас, – сказал Иштван.

– Я найду дорогу сама, – бросив печальный взгляд, с иронией ответила Катя.

Она вышла из-за рояля и с горящим взглядом демонстративно застыла на месте. Каждое ее движение, даже самое обычное, было наполнено природной грацией и светским изяществом, смешанным с юношеской невинностью. Глядя на нее, Иштван затаил дыхание и лишился дара речи. Он не знал, чего можно ожидать от этой взбалмошной особы, и, вопреки горячему желанию всегда видеть ее рядом с собой, мечтал, чтобы в эту самую минуту она была далеко от его дома.

Княжна сделала шаг навстречу, продолжая смотреть ему прямо в глаза. И он сдался. Непроизвольно, Иштван сделал ответный шаг. Девушка взвизгнула и бросилась к нему. Она обвила руками его шею, и столько было в ее движениях непосредственности, так тонко граничащей с пламенеющей страстью, что Иштван потерял голову. Он позволил себе забыться. Он жарко целовал ее щеки, целовал ее руки, вдыхал аромат ее волос. Но когда его губы лишь коснулись ее губ, девушка испуганно вскрикнула, вырвалась и, быстро схватив свою шубку, лежащую рядом с его пальто, сбежала, оставив после себя лишь тонкий аромат нежных духов и юности.

Иштван остался стоять посреди зала, пораженный случившимся и растерянный от своей собственной слабости.

Глава 7

Утро следующего дня далось Иштвану нелегко. Всю ночь его мучили кошмары. Он видел свою музу, свою милую княжну. Она весело смеялась и бегала вокруг него, прищелкивая язычком, поддразнивая. Затем к Иштвану вдруг приходило понимание, что он – это вовсе не он, а кто-то другой. Он видел свои руки, протянутые к девушке, и пытался остановиться, но не мог, его тело было ему неподвластно.

В один из моментов, девушка оказалась слишком близко, и эти омерзительные руки, с худыми длинными пальцами, вдруг обхватили ее нежную шейку и начали душить. Прекрасное лицо княжны исказилось от страха и боли. Она начала кричать и отбиваться. Пыталась вырваться, билась словно пойманная птица до тех пор, пока руки убийцы не сделали свое черное дело и тело девушки не упало замертво к его ногам.

Первый раз Иштван увидел этот сон, едва сомкнулись его веки. Он проснулся в холодном поту. Затем долго сидел в постели, бесцельно уставившись в темноту.

Когда сон вновь пришел к нему, картина повторилась.

И так продолжалось всю ночь, пока рано утром в комнату не вошел Демидыч и не распахнул тяжелые шторы, впуская в комнату утренний свет.

Иштван сел, взял со столика серебряный портсигар и закурил. Обычно он старался не курить по утрам, считая это вредным для здоровья. Но сегодня его организм требовал сигар и кофе.

– Оскар, почему ты вчерапустил в дом гостью и не дождался моего возвращения? – строго спросил Иштван.

Старик поставил перед сыщиком поднос с завтраком и спокойно ответил:

– Барышня ждала вас долго. Я предлагал ей прийти в другой день, она пожелала дожждаться.

– Ты должен был дожждаться меня вместе с ней, – недовольно проворчал Иштван.

– Я не могу, вы же знаете, Ваше благородие. Кости мои уже не молоды, к тому же работы по дому набежало, мне должно было рано встать. Это роскошь для меня – не высыпаться.

Иштван нахмурился и пробубнил себе под нос:

– Прогоню.

Старик улыбнулся, сделав вид, что не расслышал слов барина, и вышел.

Докурив сигарету, Иштван отхлебнул кофе и поднялся. Он подошел к окну. Ночью, видимо, падал снег. Все деревья в саду были покрыты огромными белоснежными шапками. Но дорожка от дома была расчищена, за что Иштван мысленно поблагодарил своего слугу, ругая себя за грубость. Встал же старик и расчистил выход, чтобы барин не погряз в сугробах. Закончив с завтраком, Иштван решил первым делом навестить князя Мухина, в его доме на Елагином острове.

Елагинский особняк на протяжении последних лет был излюбленным местом проживания премьер-министра. Дом не был его собственностью и в случае отставки возвращался обратно в казну государства. Но по сей день Мухин жил в этом просторном, трехэтажном особняке старой постройки.

На улице было прохладно, и Иштван в душе загрустил о теплом лете и солнце. Зима своей холодностью навевала на него тоску.

Дом князя охранялся несколькими десятками солдат и жандармских офицеров. Первый караул стоял у моста, часть патрулировали территорию самого острова, остальные находились в доме. Сразу признав в визитере важного чиновника, солдаты, вытянувшись по стойке, пропустили сани к дому.

В сером свете зимнего утра, дом казался унылым и явно передавал настроение его обитателей.

Во дворе Иштвана встретил адъютант князя Зацепкин Александр Павлович. Это был высокий шатен, открытой внешности, с характерными для того времени усами и бородкой, с добрым и прямым взглядом.

– Иван Аркадьевич, вы по делу или с визитом? – вежливо поинтересовался Зацепкин.

– По делу, – ответил Иштван. – Князь у себя?

– Да. Только он в горе, вчера как от вас приехал, так заперся в комнатах на верхнем этаже, никого к себе не пускает. Это же такой удар для его больного сердца. Я боюсь, как бы чего дурного не случилось, – грустно признался Зацепкин.

Видно было, как преданно адъютант относился к князю и что при надобности этот отважный и честный человек не пощадит живота своего за жизнь князя. Эта служба была для него личным делом, к которому он относился с должным уважением и трепетом.

Зацепкин провел Иштвана в гостиную и удалился, чтобы доложить о визите князю. Через несколько минут на пороге появился встревоженный князь. Иштван сразу заметил, что трагедия, случившаяся с Татьяной, отняла у премьера еще лет десять жизни. Он заметно постарел за одну только эту ночь. Мешки под покрасневшими глазами и плотно сжатые бледные губы, ввалившиеся щеки и безумный, тревожный взгляд. Вопреки обычаям, Мухин вышел к посетителю в домашнем халате и тапочках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yudina_vera/anatom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)